

ОЛЬГА БАРИНОВА

СЕРДЦЕ
ВЪЮГИ

Ольга Баринова

Сердце вьюги

<https://litres.ru/74208123>

Аннотация

Млада - травница из клана Волков. Её отдают врагам, чтобы заключить мир.

Мирослав - младший сын вождя Медведей. Он ненавидит волчицу, которую ему навязали.

Их вынужденный брак становится полем битвы. Ложь, тайны, предательство и любовь, которая рождается из ненависти. Вместе им предстоит пройти через испытания, объединить враждующие кланы и остановить того, кто хочет разрушить всё.

«Сердце вьюги» - роман о любви, которая изменит судьбу Севера.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	37
ГЛАВА 7	43
ГЛАВА 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

ПРОЛОГ

Тихо падал снег, укрывая стынувшую землю белым покрывалом. В этой первозданной тишине дышала древняя магия - словно сам мир затаил дыхание, в предчувствии неотвратимой беды.

Свинцовый купол неба нависал над Серебряной рекой, и редкие лучи солнца, пробиваясь сквозь тучи, окрашивали сугробы в мертвенный цвет.

Здесь, на берегу промерзшей реки, разделявшей земли двух враждующих кланов, лес отступал. Сквозь глубокий наст пробивались лишь уродливые, искривленные сучья каменной березы, намертво вцепившиеся в обрывистый склон.

Кровная вражда между кланами Волков и Медведей тянулась уже три поколения. Говорят, первый волк убил первого медведя из-за женщины. Кто теперь разберет... С тех пор Серебряная река каждую весну краснела от талой воды, смешанной с кровью...

Но таволга, способная унять огненную лихорадку и спасти умирающую мать, росла только здесь, на землях ее кровных врагов.

Млада знала цену каждой секунде. Она скользила меж сугробов беззвучной тенью, крадучись, точно мышь. Девушка с трудом раздробила смерзшуюся землю и накопила целебных корней. Пальцы, окоченевшие от стужи, затянули кожа-

ный шнурок на заветном мешочке с лекарством.

Едва Млада перевела дух, как морозный воздух пронзил резкий, отчетливый хруст наста под чьим-то тяжелым сапогом.

Она обернулась и ее обдало запахом перегара и прогорклого жира.

Перед ней стоял воин в темно-синем плаще Медведей. Широкий, бритоголовый, со шрамом через всю щеку. Он улыбался как хищник, который нашел себе добычу.

- Я просто собираю травы, - голос Млады дрогнул. - У меня мать умирает. Дайте мне уйти.

- Я убью тебя, как и любого Волка, ступившего на нашу землю, - усмехнулся он, хватая ее за руку. - Но сначала ты потешишь меня.

Млада вырвалась из захвата и побежала.

Снег по колено. Ноги вязнут. Сердце стучит в груди как сумасшедшее. Он нагнал ее через три шага. Схватил за коосу, дернул, швырнул в снег и навис сверху. От него воняло потом и железом.

- Ну давай, кричи, волчица. Мне так больше нравится.

Его рука сжала ее горло, другая рванула ворот шубы, обнажая нежные ключицы и грудь. Млада хрипела, царапалась, кусалась - бесполезно.

Она попыталась пнуть его. Пальцы ратника схватили ее за ногу, зацепились за тонкую серебряную нить на ее лодыжке - ножной браслет, который мать надела Младе в детстве, что-

бы защитить от злых духов. Он дернул, и браслет упал в снег, оставив на коже девушки красный след.

Где-то в стороне опять захрустел снег, но она уже ничего не слышала, не видела и не понимала. Ее рука судорожно шарила по поясу, пытаясь нащупать нож. Легкие жгло огнем и в глазах заплесали темные круги.

Вдруг она услышала вскрик, тяжесть исчезла. Воздух со свистом ворвался в легкие, и Млада открыла глаза.

Перед ней стоял Власт, старший сын вождя проклятых Медведей. Его длинные светлые волосы развевались, лицо было искажено бешенством, а в глазах горела тьма. В этот момент Власт больше напоминал красивого, опасного хищника, чем человека. Он занес меч и вонзил его в грудь своего воина. Тот неверяще охнул и рухнул в снег, заливая его кровью.

- Ты посмел, - сказал Власт, и голос его разнесся над рекой, как рев зверя. - Ты посмел прикоснуться к тому, что принадлежит мне.

- Я не твоя, - прошептала Млада, пытаясь отползти от него.

В глазах Власта вспыхнули боль и безумие.

- С тех пор, как я увидел тебя у Горячих ключей, ты - моя. Я - старший сын вождя. Мне стоит только пальцем шевельнуть - и любая девушка Медведей будет у моих ног. Но мне не нужны они. Я выбрал тебя, Волчица.

- Я не...

- Ты - моя, - повторил он, наклоняясь, и его дыхание обожгло ее щеку. - Я следил за тобой, дочь вождя. Знал, что ты придешь за травами. А этот... - он пнул тело ногой, - ему было приказано сразу доложить. Но он решил послушаться, за что и поплатился.

- Он воин твоего клана, тебя не простят...

- Плевать. Они не смеют судить меня...

Внезапно раненый пришел в себя. Из последних сил, захлебываясь кровью, он выхватил меч, и с диким криком вонзил его обернувшемуся Власту в грудь, тут же упав на землю.

- Будь ты проклят, предатель, - прошептал он и замер навсегда. Его глаза остекленели, тело обмякло.

Раненый сын вождя рухнул на колени, хрипя и зажимая рукой смертельную рану. Другая его рука вцепилась в ногу девушки.

Млада выхватила нож из-за пояса и замахнулась...

ГЛАВА 1

Спустия три месяца.

Млада, дочь вождя волчьего клана медленно шла к алтарю. Длинные подвески из бусин, спускающиеся со свадебного венца, звенели при каждом движении весело и беззаботно, контрастируя со слезами, которые она изо всех сил пыталась удержать.

Невеста ступала по снегу, и, согласно обычаю, четыре женщины в праздничных нарядах тут же замечали ее следы пихтовыми ветками.

- Чтобы забыла дорогу назад, - провозгласил шаман. - Чтобы полностью посвятила себя новой семье. Отныне твой дом здесь, среди Медведей.

Она не смотрела ни на женщин, ни на шамана. Ее взгляд не отрывался от огромного алтарного камня и священного дерева, у которого ее уже ждал жених, младший сын вождя медвежьего клана - Мирослав.

Зазвучали бубны, и их мерный, гипнотический ритм заполнил пространство, сплетаясь с древними песнопениями.

Запах дыма ударил в ноздри раньше, чем она увидела костер. Поселение клана Медведей раскинулось в долине между двумя сопками - десятки яранг, крытых шкурами, ближе к центру дома из лиственницы, и посередине, на возвышении, росло их священное дерево.

Старое и мощное, с вырезанными рунами на коре. По поверьям, именно из лиственницы когда-то родились первые олени. Или первые люди. Или первые боги - она уже не помнила.

Млада подошла к жениху, взглянула на него и вздрогнула, вспомнив тот страшный день на реке.

Мирослав был очень похож на своего старшего брата - те же светлые, длинные волосы, те же широкие плечи, та же хищная стать. Но в отличие от Власта, в глазах его не горел огонь одержимости, там царило ледяное презрение. И от этого сходство становилось еще страшнее: будто смотришь на глыбу льда, но знаешь - под ней настоящая бездна...

Меж тем шаман взял дымящуюся ветку и круговыми движениями трижды обнес ее вокруг голов, плеч и ног молодых. Медведи считали, что волчья невеста, может принести с собой чужих, враждебных духов. Ее одежду обмели березовым веником, «счищая» остатки прошлого. Млада содрогнулась, но промолчала.

Затем они с Мирославом трижды обошли дерево по ходу солнца и встали перед ним на колени. Их лбы коснулись холодной коры.

- Прими ее, древняя, - воскликнул шаман за спиной. - Прими чужую, сделай своей. Прими врага, сделай родной.

Старейшие женщины клана водили вокруг них горящими палками, отгоняя злых духов.

- Очисти ее помыслы, - бормотала одна. - Пусть забудет,

кем была.

- Пусть станет одной из нас, - вторила другая.

Млада не желала ничего забывать. Она смотрела на Мирослава - на его длинные русые волосы, заплетенные в траурную косу по брату, на каменное лицо и впервые подумала. «А он? Он же тоже не хотел этой свадьбы».

Свадебный пир длился до полуночи. Бубны били, вводя повеселевших гостей в состояние, близкое к трансу. Захмелевшие гости танцевали до упада, ведь считалось, что чем яростнее и дольше они танцуют, тем счастливее и богаче будет жизнь у молодых.

Мирослав за все это время даже не взглянул на невесту. Да и Млада весь вечер просидела с опущенными глазами, не проронив ни слова.

«Только посмей пикнуть, и твоя любимая сестренка лишится головы», - вспомнила она слова дяди Ратибора, который возглавил волчий клан после гибели отца. Ему нужен был мир с Медведями, и она стала его порукой...

Медвежий шаман тронул ее за плечо, вырывая из горьких воспоминаний.

- Пора в опочивальню, - шепнул он невесте, и потянул ее к выходу.

Млада побледнела, перехватив злой взгляд дяди.

«Помни, племянница, - говорили его глаза. – Твоя покорность – залог мира между нашими кланами».

Она молча встала и пошла за шаманом.

Мирослав стоял у окна, спиной к ней. Его боевой топор висел на жерди - на виду, как прямая угроза.

- Ляжешь на полу, - бросил он, не оборачиваясь.

- А как же... - Голос Млады дрогнул. – Первая кровь. Утром придут старейшины проверять.

Мирослав обернулся, и посмотрел так, что у нее похолодело внутри. Он схватил топор и метнул ее сторону. Острое лезвие вонзилось в стену прямо над ее головой.

Млада вскрикнула и бросилась на пол, испуганно глядя на мужа.

- Я не прикоснусь к тебе, волчица, пока не найду ту, что убила моего брата, - сказал он глухо.

- Почему ты решил, что это кто-то из нас? – ком встал у нее горле, мешая вздохнуть.

Он грубо схватил ее за плечо и швырнул к сундуку, на котором лежал разорванный ножной браслет с крошечной фигуркой волка. Ее браслет.

Млада как наяву слышала мамин голос: «Носи, доченька, не снимая, чтобы духи клана всегда были с тобой». И теплые мягкие руки, надевающие оберег на ногу.

Девушка сглотнула горький ком, вставший в горле и потряс головой, отгоняя воспоминания.

- Это лежало около тела нашего ратника. И рядом меч Власта, весь в крови. А тело брата так и не нашли... Кто-то из ваших проник на наши земли и подло убил двух лучших воинов... Может это была ты?!

- Я травница, а не убийца!

- Все вы предатели и убийцы, проклятые волки!

Она шумно выдохнула:

- Между нашими кланами заключен мир, и говоря так, ты оскорбляешь решение наших вождей. – Млада с трудом заставляла себя выговаривать эти слова.

«И если ты не сделаешь меня своей, дядя убьет и меня, и сестру.» - обреченно подумала она, но вслух упрямо продолжила:

- Я поклялась быть тебе верной женой... Завтра придут старейшины, и мы должны...

Мирослав не дал ей договорить. Он схватил ее за руку, достал нож и полоснул по запястью. Горячие красные капли брызнули на белую шкуру, расстеленную на кровати.

- Им нужна твоя кровь? Они ее получают.

Он скомкал шкуру и бросил в угол.

- Вот твое место, волчица.

Млада зажала рану рукой и опустилась на брошенную шкуру. Она смотрела на его широкую спину, на русые волосы с траурной косой, на топор, который он повесил рядом с собой.

Она могла бы сказать больше. Могла бы рассказать все - про Рена, про то, как Власт спас ее, про удар мечом. Слова уже скреблись изнутри, обжигая горло.

Но если она расскажет он спросит: «А где тело брата?» И тогда придется врать. Или сказать правду. А правда убьет

всех.

- Мирослав? - позвала она тихо.

- Что?

- Спасибо.

Он не ответил. Но в темноте она увидела, как его плечи расслабились.

За бревенчатыми стенами выла выюга.

Она закрыла глаза, сжала в кулаке темно-синий шелк под рубахой - лоскут с плаща Власта, который носила на себе все эти месяцы - и подумала: «Он не такой, как я думала. Но можно ли ему верить?»

У нее не было ответа.

ГЛАВА 2

Утро выдалось серым и хмурым: низкие тучи цеплялись за горизонт, а по земле стелилась поземка.

Млада так и не сомкнула глаз. Закутавшись в шкуры, она чутко прислушивалась к тому, как на улице перекликаются первые проснувшиеся. Мирослав спал на лежанке. Он лежал на боку, отвернувшись к стене, но тяжелый топор так и висел на расстоянии вытянутой руки - опасно, до дрожи близко. Млада смотрела на это оружие, и в ее груди билась глухая, бессильная злость на свою судьбу.

В дверь резко постучали. Мирослав распахнул глаза мгновенно, словно дикий зверь, которому неведом глубокий сон. Бесшумно поднявшись, он накинул меховую рубаху и вышел наружу. Вернулся лишь спустя несколько томительных минут. Старейшины, стоявшие у входа, осмотрели окровавленную шкуру, и короткими кивками признали брак состоявшимся. Младе хотелось провалиться сквозь землю под их оценивающими взглядами.

- Сегодня идем на охоту, - бросил Мирослав, накидывая безрукавку и туго затягивая пояс. - Твое место теперь с женщинами, в общем доме.

- А что мне делать? - голос Млады сорвался и сел от бессонницы.

- Что скажут, то и делай.

Он ушел, даже не взглянув на нее.

За стенами дома мужские голоса уже сливались с лязгом оружия и тревожным фырканием оленей. Вскоре лагерь опустел, и Младу обступила давящая, звенящая тишина. Она осталась совсем одна в чужом доме...

Когда она наконец переступила порог, женщины племени встретили ее ледяным молчанием. На нее смотрели свысока: чужачка, слабая и изнеженная.

Старшая из женщин, с лицом, похожим на дубленую кожу, молча указала ей на груды сырых, обледенелых оленьих шкур, которые нужно было скоблить тяжелым костяным ножом. Млада видела их насмешливые, прищуренные глаза. Это была проверка.

Сначала руки не слушались. Пальцы мгновенно окоченели от холода, нож скользил, а плечи ныли от непривычной работы. Млада едва сдерживала слезы отчаяния и унижения, чувствуя, как женщины переглядываются и шепчутся за ее спиной. Ей хотелось бросить все и сбежать.

Но внутри вдруг проснулась гордость. «Не дождетесь», - подумала она. Сжав зубы до скрипа, Млада вытерла пот со лба окровавленной рукой и продолжила работу. Час за часом она упрямо, до кровавых мозолей на ладонях, драла жесткую мездру. Ошибалась, сбивала пальцы, но не издала ни единого стоны и ни разу не попросила о помощи.

К полудню, когда Млада закончила вторую шкуру, шепотки затихли. Старшая женщина подошла, молча осмотрела

чистую, ровную работу и впервые посмотрела Младе прямо в глаза - уже без прежней насмешки, а с суровым, сдержанным одобрением.

Она протянула девушке ковш горячего отвара и кусок сушеного мяса. Напряжение в воздухе растаяло. Млада поняла: ее еще не приняли как свою, но уже перестали считать обузой. Она выдержала первый удар.

- Смотрите-ка, пальцы чуть себе не отрезала, - хмыкнула русая, кивнув на окровавленные ладони чужачки.

Млада подняла голову. Взгляд ее был на удивление спокойным, без прежней покорности и страха.

- Они мне еще пригодятся, - ровно сказала она. – Как же я без пальцев вышивать стану?

Женщины переглянулись. По кругу прошел несмелый шепоток, кто-то коротко усмехнулся.

- Ты и вышивать умеешь? - подала голос старуха, прищурив подслеповатые от старости глаза.

- Моя мать была лучшей мастерицей в клане Волков, - ответила Млада, и в ее голосе впервые прозвучала гордость. - Я переняла все, что она знала.

Русая недоверчиво фыркнула, но старуха уже подалась вперед. Ее сухие, узловатые пальцы со следами вьезшейся сажи коснулись рукавов Млады - там, где из-под меховой накидки виднелся край ее платья. Женщины подались следом, затаив дыхание.

По шерстяной ткани тянулась невероятная, тончайшая

вязь. Из серебряных и сизых нитей на ткани оживал целый мир: свирепые волки мчались вдоль кромки замерзшей, скованной льдом реки, над ними горела огромная полная луна, а вокруг кружились крошечные, безупречно ровные снежинки.

Работа была настолько искусной, что казалось, будто мороз сам соткал этот узор на ткани. Для женщин племени, привыкших к суровому быту и простой, практичной одежде, эта вышивка выглядела настоящим чудом.

- Это твоих рук дело? - тихо, почти с благоговением спросила старуха, не отрывая пальцев от серебряных волков.

- Моих, - тихо ответила Млада.

В кругу воцарилась тишина. Насмешки и лед недоверия растаяли в один миг. Вышивка стала тем самым мостиком, который соединил чужачку и этих суровых женщин: они ценили мастерство, требующее терпения и долгих часов кропотливой работы.

- Покажешь? - уже без тени прежней суровости спросила старуха.

Млада молча кивнула.

К вечеру все изменилось. Напряжение исчезло, уступив место живому, шумному любопытству. Млада сидела в самом центре круга, и десяток женских рук тянулись к ней, передавая костяные иглы и нити. Теперь ее слушали, затаив дыхание.

- Нить бери не слишком толстую, - терпеливо объясняла

Млада, склонившись над шитьем молодой испуганной девочки. - И не натягивай так сильно, видишь - ткань кривится? Лопнет же.

- А ты-то откуда все это знаешь? - с легким вздохом спросила та. - Уж больно ловко у тебя выходит.

- Выучилась, - усмехнулась Млада, и ее взгляд на мгновение потеплел от воспоминаний. - Тоже сначала рвала да путала. Матушка заставляла переделывать по три раза, тут хочешь - не хочешь, ловко выйдет.

Женщины дружно расхохотались. Этот простой, понятный им рассказ окончательно разрушил стену между ними.

Даже русая, до этого державшаяся особняком, улыбнулась и пододвинулась ближе. Перед Младой, словно она всегда была частью клана, поставили глиняный горшок с дымящейся, сытной похлебкой. Кто-то молча подбросил в костер тяжелый чурбак, и жаркое пламя весело затрещало, прогоняя лесной холод.

Млада не стала сыпать благодарностями - здесь этого не любили. Она просто обвела женщин взглядом и тепло улыбнулась.

И тут же спину обжег неприязненный взгляд.

ГЛАВА 3

Млада заметила ее сразу, едва та переступила порог общего дома. Высокая, статная, с золотистыми косами, глазами цвета предрассветного неба и тонкими, высокомерно очерченными губами.

Она не стала садиться к костру вместе со всеми. Всю вторую половину дня надменная красавица стояла чуть поодаль, прислонившись к резному столбу опоры, и молча наблюдала.

Смотрела, как чужачка терпеливо правит чужие стежки, как тают в улыбках суровые лица женщин, как старейшая одобрительно качает головой.

- Это Влада, дочь шамана, - едва слышно шепнула Младе на ухо молодая женщина, сидевшая рядом. – Она должна была стать женой Мирослава... Пока наши кланы не заключили мир, и вас не сосватали.

Все встало на свои места. Млада внутренне подобралась, готовая к удару. Влада подошла не спеша, мягкой, покачивающейся походкой лесной хищницы. Встала прямо напротив Млады, скрестив руки на груди и глядя на нее сверху вниз - как хозяйка смотрит на незваную гостью.

- Искусно шьешь, волчица, - заговорила она, и в ее низком голосе зазвенел опасный холод. - Только узоры у тебя все зимние, волчьи. А наших, медвежьих, отчего-то не видно?

Или брезгуешь?

Млада подняла голову. Встретила этот ледяной взгляд прямо, не выказав ни капли страха.

- Отчего же брезгую? - отозвалась она ровно, без вызова.
- Будут вам и медведи. Коли - попросишь - и тебя обучу.

Влада искривила губы в злой, презрительной усмешке.

- А чего тебя просить, и так все сделаешь... А еще у нас поговаривают, будто волчицы так же, без зова, приползают в постель к медведям... Видать, не соврали люди.

Под сводами дома мгновенно воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Женщины замерли, боясь вздохнуть; молодая девчонка рядом с Младой испуганно опустила глаза. Оскорбление было прямым и бьющим наотмашь.

Млада выдержала паузу. Секунду она молчала, а затем на ее лице расцвела та самая безмятежная, легкая улыбка, за которой скрывался стальной стержень. Внутри у нее все клокотало от ярости, но внешне она осталась невозмутимой.

- Не знаю, кто у вас такое говорит, - Млада спокойно от-
вернулась от соперницы, обращаясь к старухе. - Но если мед-
ведь берет жену из чужого клана - быть может, в своем пле-
мени он просто не нашел ту, ради которой стоило сделать
хотя бы шаг?

По кругу пронесся короткий вздох. Влада вспыхнула, ее бледные щеки покрылись пунцовыми пятнами, а пальцы судорожно сжались в кулаки. Ответ пришелся точно в цель.

Старейшая первая нарушила оцепенение - она негромко,

хрипло рассмеялась, качая головой. За ней облегченно, пряча улыбки, приснули и остальные женщины.

- А у тебя острые зубы, волчица, - одобрительно проскрипела старуха, щурясь от дыма. - С такой не соскучишься.

- Я первая не кусаю, - Млада снова взялась за иглу. – Пока меня не тронут.

Смех у костра вспыхнул с новой силой, окончательно смывая напряжение. Влада, круто развернувшись, выскочила за полог дома, обдав присутствующих морозным воздухом.

К вечеру, когда снаружи сгустились сумерки, мужчины начали возвращаться с охоты. Млада сидела у главного очага - теперь уже не как чужачка с края, а в самом центре женского круга. Молодая ткачиха, с которой они весь день делили нити, протянула ей глиняную чашу, от которой валил густой пар.

- На, выпей, сестра. Согрейся, - сказала она. И в этом простом «сестра» больше не было ни капли насмешки. Только глубинное женское признание. Млада благодарно кивнула, принимая тепло обожженной глины.

В этот момент тяжелый полог дверей распахнулся, и в общий дом вошел Мирослав. Он был с ног до головы запорошен снегом, лицо потемнело от лесного марева, а на широком плече покоилась туша молодого оленя. Его тяжелый взгляд скользнул по помещению и мгновенно выхватил Младу.

Он замер на долю секунды. Заметил, где она сидит. Заметил чашу в ее руках и то, как спокойно, на равных, смотрят на нее другие женщины.

Мирослав не произнес ни слова. Широким шагом он по-дошел к очагу, с глухим стуком сбросил добычу на настил и коротко бросил:

- Разделайте к ужину.

После чего дернул плечом с разорванным окровавленным рукавом, развернулся и ушел обратно на мороз. Млада задумчиво смотрела на колышущийся полог за его спиной. Сердце забилося чуть быстрее. Было ли это мимолетное удивление в его глазах добрым знаком или предвестником новой бури? Она не знала.

Женщина, сидевшая рядом, легонько подтолкнула ее локтем в бок и негромко, с мудрой усмешкой произнесла:

- Не смотри так пристально, волчица. Наши медведи не любят, когда на них смотрят в упор.

- Не любят? - усомнилась Млада, вспомнив его яростный, звериный взгляд вчера вечером.

- Конечно, - женщина подбросила ветку в огонь. - Они ведь как дикие звери. А любой зверь дичится, когда кто-то понимает, какой он на самом деле. Когда видят его настоящую душу.

Млада ничего не ответила. Она лишь сделала медленный глоток. Отвар был горьким, терпким, пах хвоей и сушеными ягодами, но он разливал по уставшему телу удивительное,

спасительное тепло.

Девушка смотрела на огонь, но перед глазами встало то утро у Серебряной реки... Все же Мирослав был очень похож на брата... И воспоминания о том кровавом дне накрыло ее с головой – а следом потянулись и другие...

Таволга, которую она добыла тогда, сбил матушке жар... На три дня... А потом мать все равно ушла - тихо, на рассвете, даже не открыв глаза. Млада только успела прошептать прощальные слова и поцеловать ее в холодный лоб.

Она поклялась тогда, что больше никогда не позволит смерти забрать тех, кого можно спасти. Даже ценой собственной жизни. Даже если спасать придется врага.

Она моргнула, прогоняя видение, и сделала еще один глоток. Отвар обжег губы, вернул в настоящее.

За стенами общего дома, набирая силу, глухо и грозно выла ночная выюга.

- Тебя там зовут, волчица, - раздался вдруг недовольный голос Влады.

ГЛАВА 4

Полог за спиной Влады тяжело хлопнул, отсекая тепло и женский говор. Млада осталась одна в холодных сенях - и сразу поняла, кто ее звал. Дядя стоял у стены, скрестив руки на груди. Рядом никого.

- Освоилась, - Ратибор усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли родственного тепла. - А я думал, тебя девки на ключья изорвут. Медведи - звери лютые.

- Я справляюсь, - Млада сжала пальцами край шубы, чтобы не выдать дрожь. - Зачем пришел? Мир заключен. Я, залог - здесь. Чего тебе еще?

Дядя шагнул к ней. От него пахло тяжелым, звериным духом, который Млада помнила с детства. Но раньше этот запах означал защиту. Теперь - угрозу.

- Смотри, какая смелая стала, - он остановился в двух шагах, разглядывая ее как лошадь на торгу. - Замужество, видно, на пользу пошло. А я-то думал, что сломаешься.

- Ты угрожал моей сестре.

- Угрожал, - согласился Ратибор без тени стыда. - И пригрожу снова, если ослушаешься.

Млада молчала. Внутри поднималась тьма, но она научилась прятать ее глубоко. Мать говорила: «Волчица показывает зубы, когда готова укусить. А умная волчица – только когда укус будет смертельным».

- Мне нужны сведения, - Ратибор наклонился к ее уху, переходя на шепот. - Сколько воинов у Медведей. Где у них слабые места. Кто из старейшин недоволен вождем. Что они замышляют.

- Я – травница, а не лазутчица.

- Теперь ты - жена единственного сына вождя. Уши и глаза в постели врага, - его пальцы вцепились ей в плечо, и Млада почувствовала, как он намеренно сжимает до боли. - Ты будешь делать то, что я скажу. Или Рушана поплатится.

При упоминании сестры у Млады перехватило дыхание.

Перед глазами встала Рушана - такая, какой Млада видела ее в последний раз: маленькая, с взлохмаченными волосами, показывает язык и смеется, протягивая ей самодельную куклу из обрезков кожи.

«Млада, смотри, это ты! Только без носа...»

Девушка нервно сглотнула.

- Она совсем ребенок, - выдавила Млада.

- А ты думаешь, меня это остановит? - Ратибор усмехнулся и отпустил плечо, словно ему вдруг стало скучно. - Я не твой отец, девочка. И я теперь - вождь. Я делаю то, что нужно для клана.

- Для клана? - Млада подняла голову, и в ее глазах впервые за этот разговор мелькнуло что-то острое. - Или для себя?

Ратибор замер.

- Что ты сказала?

- Отец погиб на охоте, - Млада смотрела ему прямо в лицо,

хотя сердце заходило от страха. - Упал с обрыва, сказал ты. Но я помню, что он не хотел мира с Медведями. А ты - хотел. И как только он умер - ты сразу его заключил.

Тишина в сениях стала вязкой, как смола. Даже ветер за стеной притих, будто испугался.

- Ты обвиняешь меня в смерти брата? - голос Ратибора звучал спокойно, но Млада видела, как побелели костяшки на руке, сжатой в кулак, которую он занес как для удара.

- Я никого не обвиняю. Я просто говорю, что есть...

- А ты не говори. Целее будешь, - он шагнул к ней вплотную, нависая. От него смердело перебродившим медом и кровью. - Твое дело - слушать, запоминать и передавать все с охотниками, которые будут приходить к Серебряной реке каждое полнолуние. Поняла?

Млада молчала.

- Я спросил: поняла?!

- Поняла, - ответила она, опустив глаза.

Ратибор отступил. Поправил на плече волчью шкуру - знак вождя, который до этого носил ее отец - и кивнул сам себе.

- Умница. Я знал, что ты не подведешь. Мать твоя не была такой покладистой...

При этих словах что-то оборвалось у Млады внутри. Она тогда не смогла помочь маме... А может, ей помешали? Может, кто-то позаботился о том, чтобы отвары не сработали? Она вспомнила, как дядя пришел в тот день с очередным

«лекарством», сказал, что от шамана. Млада тогда не придавала этому значения. Но теперь...

- Убирайся, - прошептала она.

- Что?

- Убирайся, - повторила Млада, и голос ее окреп. - Я сделаю, что ты велел... Но не смей говорить о ней.

Ратибор хмыкнул, но спорить не стал. Напоследок окинул ее долгим, изучающим взглядом - и вышел в ночь, растворившись в снежной крупе.

Млада осталась одна.

Она прислонилась к бревенчатой стене и сползла по ней на корточки, обхватив колени руками. Плечо болело там, где сжимал дядя. Внутри пульсировала глухая, холодная ярость.

«Отец не хотел мира. Он упал с обрыва. А через три месяца меня отдали Медведям, как кусок мяса».

Она закрыла глаза, и перед ними встал тот день. Серебряная река. Власт, хрипящий в снегу, и нож, который она занесла, чтобы ударить...

А потом вернулась домой и узнала, что отец мертв.

А следом и мама сгорела в лихорадке за несколько дней, и даже таволга перестала ей помогать...

- Что же там случилось, на той охоте? - спросила она у тьмы за стеной. - И отчего на самом деле умерла мама?

Ответа не было. Только выюга выла, набирая силу.

Она поднялась. Вытерла щеки - снег ли, слезы ли, она уже не разбирала. И пошла обратно в общий дом, к женщинам,

к очагу, к новой жизни, которая только начала прорастать первыми ростками доверия и тепла.

Вдруг ей в грудь уперлась рука.

- Ты долго, - Влада стояла в проходе, и в ее глазах горело недоброе любопытство. – Твой дядя давно ушел. О чем ты с ним говорила?

Млада посмотрела на нее: на золотистые косы, на тонкие губы, на напряженные плечи. Одна ошибка, и Влада побежит к отцу. Не надо давать ей ни одной зацепки.

- За сестру просила, - ответила Млада спокойно. – А потом молилась. Чтобы здесь приняли.

Влада не поверила. Это было написано на ее лице. Но спросить снова не посмела - только скользнула взглядом по мокрым глазам, по сжатым кулакам и процедила:

- Долго же ты молилась. Смотри, волчица, боги слышат не только слова. Они слышат и мысли... Навредишь клану – и я его вырву сердце из твоей груди!

Млада не ответила. Прошла мимо, спиной чувствуя ее взгляд, и вернулась к очагу.

Женщины не спрашивали, где она была. Только старуха, та самая, с узловатыми пальцами, подвинулась, освобождая место рядом с собой. Сухонькая ладонь на мгновение легла поверх ее руки - легче пера, но теплее любого огня.

Млада молча села, и стараясь не заплакать, сжала крепче зубы. Она посмотрела на пламя, пытаясь успокоиться.

И тут дверь снова распахнулась, и тяжелая рука легла ей

на плечо.

ГЛАВА 5

Млада вздрогнула и обернулась.

Молоденький паренек стоял над ней - запыхавшийся, с перекосенным от тревоги лицом. Его меховая безрукавка была растегнута, на лбу выступила испарина, несмотря на лютый холод за стенами.

- Сын вождя ранен, - выдохнул он, хватая ее за запястье. – Медведь полоснул по плечу глубоко. Кровь не останавливается.

Млада не стала спрашивать, почему он пришел к ней. Не стала спрашивать, почему зовут волчицу, которую еще утром сторонились, шепчась за спиной.

Она просто вскочила и схватила свой мешок - тот самый, что всегда держала под рукой - с кореньями, иглами, засушенными травами и берестяными свертками. И побежала за пареньком, не чуя ног, проваливаясь в сугробы по колено.

Чум шамана стоял на отшибе, у подножия священной лиственницы. Обычно из его дымохода вился дымок - старик почти никогда не гасил огонь. Сегодня дыма было много, но он стелился низко, тяжело, будто сам воздух не хотел подниматься.

Млада шагнула через порог - и замерла.

Внутри было темно и душно. Горели жировые светильники, отбрасывая на стены пляшущие, безумные тени. Пахло

дымом, кровью и чем-то сладковато-приторным, от чего ее саму замутило.

Мирослав лежал на шкурах у очага - бледный, с закатившимися глазами. Вся левая сторона его меховой рубахи пропиталась кровью – черной и густой. Рубаху уже разрезали, обнажив плечо, и Млада сразу увидела: рана страшная.

Три глубоких пореза - когти прошлись по живому, задели мышцу, разодрали кожу в клочья. Кровь заливала шкуры, смешиваясь с дымом и потом, и в воздухе пахло железом и смертью.

Рядом суетился старый шаман. Он прижимал к ране какую-то тряпицу, пропитанную сомнительным зельем, шептал заклинания, но Млада сразу поняла: не помогает. Потому что заклинания не останавливают кровь, а тряпицы не вытягивают яд из глубоких рваных ран.

- Дайте мне, - сказала она, опускаясь на колени рядом с Мирославом.

Шаман хотел возразить - его губы уже разомкнулись для гневной отповеди, в глазах сверкнула обида. Но Млада не смотрела на него. Она смотрела только на рану.

- Держите его крепко, - бросила она воинам, которые стояли у входа, переминаясь с ноги на ногу. - Чтобы не дергался. Они не сдвинулись с места.

Млада подняла голову. Посмотрела на них - на суровые, обветренные лица, на руки, сжимающие топоры, на глаза, полные недоверия и страха.

- Если он дернется, я не смогу защитить рану ровно, - воскликнула она. - Он истечет кровью прямо здесь... Ну что, так и будете стоять и смотреть?

Этого оказалось достаточно.

Двое воинов - те, что принесли носилки, и еще один, подоспевший на крики, - навалились на Мирослава, прижимая его плечи и ноги к шкурам. Мирослав глухо застонал, но не очнулся.

Млада выдохнула и принялась за работу.

Руки двигались сами. Сначала промыть, потом остановить кровь.

Млада достала иглу - изогнутую, костяную, которую мать когда-то вырезала для нее из оленьего рога много лет назад. Игла была тонкой, острой, с маленьким отверстием для нити. Пальцы помнили ее вес, ее форму, ее холод.

Потом - нить. Сухая жила, вымоченная в отваре коры ивы. Млада продернула нить в иглу, завязала узелок - ровный, крепкий, такой, какой не развяжется даже под натиском дергающегося тела.

- Света дайте, - сказала она, не поднимая головы.

Шаман, опомнившись, поднес жировую лампу ближе. Масло чадило, копоть оседала на пальцах, но света было достаточно.

Млада склонилась над раной.

Первый стежок - глубоко, в самую мякоть, туда, где кровь лилась сильнее всего. Игла вошла в кожу с тихим, влажным

звуком. Мирослав зарычал - не застонал, а именно зарычал, по-звериному, низко и страшно, - и рванулся.

- Держите! - крикнула Млада, не отрываясь от раны.

Воины навалились сильнее. Кто-то - кажется, тот, что прибежал за ней, - лег на ноги Мирослава всем телом, прижимая к шкурам.

Второй стежок - ровнее, в край раны, сводя края разорванной кожи вместе. Млада работала быстро, почти не глядя. Мать заставляла ее тренироваться на оленьих шкурах - десятки, сотни швов, пока нить не перестала путаться, а рука - дрожать.

- Хорошо, - шептал шаман за спиной. - Кровь больше не сочится. Очень хорошо.

Млада не отвечала.

Третий стежок - наискосок, закрывая самую глубокую рваную рану. Четвертый - поперек, укрепляя края. Пятый.

Она больше не считала. Просто шила - быстро, аккуратно, с тем спокойствием, которое дается годами практики и тысячами бессонных ночей у постелей раненых.

Кровь больше не хлестала. Она сочилась медленно, тягуче, впитываясь в повязку, которую Млада наложила сверху - из чистой бересты и толченого подорожника.

- Теперь отвар, - сказала она, выпрямляясь и вытирая лоб тыльной стороной ладони. - Кора ивы и багульник.

Шаман кивнул и вышел, шаркая ногами. Воины, отпустив Мирослава, отступили к стене, тяжело дыша, будто это они

сами перенесли операцию.

Млада сидела на коленях, сжимая в руках окровавленную иглу. Пальцы дрожали - мелко, нервно, - хотя сама она была спокойна, как замерзшее озеро.

- Откуда ты так умеешь?

Голос был хриплым, едва слышным - его обладатель говорил сквозь боль и ту самую тьму, из которой он только что выбрался.

Млада подняла глаза.

Мирослав смотрел на нее.

Бледный, с капельками пота на лбу, с обкусанными от боли губами, с глазами, которые все еще были мутными от потери крови и усталости.

- Мать учила, - ответила Млада, и промокнула ему лоб влажным лоскутом. - Она была лучшей травницей в клане Волков.

Мирослав помолчал. Его взгляд скользнул по ее окровавленным рукам и бледному, усталому лицу.

- И что, - спросил он, - помогло ей?

Слова повисли в воздухе. Острые, как лезвие ножа.

Млада замерла.

Перед глазами встало измученное лицо матери с провалившимися щеками и потрескавшимися губами. Запах лихорадки - сладковатый, приторный, такой же, как у гниющей раны, - который не выветривался из чума неделями. Она вспомнила свои руки, дрожащие, когда она поила мать отва-

ром из таволги, которая досталась ей у Серебряной реки такой страшной ценой. Ценой, которая до сих пор лежала тяжелым камнем на сердце.

- Нет, - сказала она тихо, и в этом тихом «нет» было больше боли, чем в любом крике. - Не помогло.

Мирослав молча смотрел на нее - на ее опущенные плечи, на окровавленные пальцы, сжимающие иглу, на прядь русых волос, выбившуюся из косы. Смотрел долго - так долго, что Млада почувствовала тяжесть этого взгляда, даже не поднимая глаз.

- Ты плачешь, - сказал он вдруг.

Млада провела рукой по щеке. Слеза. Одна. Теплая, соленая, почти горячая среди ледяной кожи.

- Соринка попала, - ответила она и тяжело вздохнула.

За стенами снова завывала выюга.

Мирослав медленно отвернулся к стене - осторожно, чтобы не потревожить свежие швы. Длинные русые волосы рассыпались по шкурам, смешиваясь с мехом. Рука, та, что была здоровой, легла поверх повязки, придерживая ее. Дыхание стало ровнее - боль отступила, уступив место изнеможению.

Млада сидела рядом и смотрела на его широкую спину с перекатывающимися под кожей мышцами.

«Он не чудовище, - подумала она. - Он просто человек, который испытал много боли... У каждого из нас свои раны».

Но она не знала, можно ли верить этому человеку. Не знала, что будет, когда он окончательно придет в себя и вспом-

нит, что она – волчица.

Полог чума распахнулся. Шаман принес дымящийся, темный отвар, пахнувший горечью и хвоей.

Млада взяла чашу и помогла Мирославу приподняться. Напоила его, поддерживая за плечи, чувствуя, как сильно бьется его сердце.

Он пил молча, не глядя на нее. Но когда она убрала чашу, его теплые, шершавые пальцы на мгновение задержались на ее руке.

Всего на секунду, - а потом он убрал руку, отвернулся к стене и снова закрыл глаза.

Млада сидела, не двигаясь. Смотрела на свою руку, на то место, где он ее коснулся.

Что это было? Немая благодарность? Простое человеческое участие? Или ростки чего-то большего, еще безымянного, от чего захватывает дух и замирает душа?

У нее не было ответа.

ГЛАВА 6

Ночь опустилась на поселение тяжело, как мокрая медвежья шкура.

Млада сидела у постели раненого, прислушиваясь к его дыханию. Она настояла, чтобы остаться - шаман хотел отправить ее к женщинам, но она покачала головой. Рана была глубокой, и хотя швы держались крепко, воспаление могло вернуться в любую минуту. Жар мог подняться снова, и тогда уже ничто не спасет.

- Я останусь, - сказала она. - Я знаю, что делать, если начнется загноение.

Шаман не спорил. Он слишком хорошо видел, что эта молодая волчица знает то, чего не знает он.

- Будь осторожна, - сказал он на прощание. - Медведи опасны, особенно когда ранены.

Млада только горько усмехнулась, вспомнив что-то свое...

В чуме было тихо. Горел один жировой светильник - шаман оставил его на случай, если понадобится свет. Млада сидела на шкурах у изголовья Мирослава, положив на колени берестяную коробочку с мазью - сухую плесень, растертую с жиром.

Она работала молча. Снимала старую повязку, осматривала края раны - те розовели, воспаление отступало. Накладывала свежую мазь тонким слоем, прикрывала чистой бе-

рестой, закрепляла тряпицей. Потом поила его отваром из ивы и таволги - горьким, терпким, от которого у нее самой сводило скулы.

Мирослав пил молча. Он почти не смотрел на нее - только на огонь, на стены, на дым, который вился под потолком. Иногда закрывал глаза, но Млада понимала - он не спит. Дыхание было слишком неровным, слишком настороженным.

- Я вижу, ты мучаешься... Давай поговорим, отвлечешься... Расскажи о брате, - попросила она, убирая пустую чашу.

Мирослав не ответил.

- Зачем? - наконец выдавил он. Голос резал слух хрипотой, звеня тяжелым металлом усталости.

Она и сама не знала, почему сорвался этот вопрос. Может, ею двигало отчаянное желание набраться смелости и когда-нибудь раскрыть ему правду. А может - тайная надежда убедиться, что Власт был настоящим чудовищем, чья тьма оправдает ее собственное предательство и молчание. Или же она просто искала в его исповеди хоть крупицу того, что позволило бы ей ненавидеть Мирослава так же, как она ненавидела его брата.

- Хочу понять, - тихо произнесла она, - кто взрастил в тебе эту глухую злобу на весь мир.

Он резко повернул голову. Взгляд его стал давящим, словно он взвешивал на невидимых весах, стоит ли обнажать перед ней душу. В дробящемся полумраке его глаза отливали

потусторонней, почти белесой пустотой - точно у старого, израненного зверя, которому больше нечего терять.

- Ты не поймешь, - сказал он.

- Попробуй.

Мирослав отвернулся к стене. Тишина затянулась настолько, что Млада внутренне смирилась - ответа не будет.

Но вдруг он заговорил. Слова давались ему с трудом, он словно вырывал их с корнем из собственной памяти:

- Он ведь был старшим. Гордость семьи, сильный, статный. Отец дышать на него не мог, да и остальные боготворили. А я... я просто оставался в тени. Последышем... Мальчишкой, который вечно прятался за его широкой спиной. В детстве он действительно меня защищал, я это помню... Когда отец хватался за плетъ, Власт всегда закрывал меня собой. Если мне чудились чудовища в углах, он лежал рядом и до рассвета рассказывал сказки. Помню, как беззаботно он умел смеяться, когда мы были детьми.

Мирослав умолк. Пальцы его здоровой руки сжались в кулак.

- А потом его будто подменили. До сих пор не знаю, в какой момент все изменилось. Что окончательно вытравило из него человечность. Может, власть вскружила голову, и он сломался сам. Но того брата больше не существовало. Вместо него появился чужак. Жестокий, одержимый...

Мирослав глубоко вздохнул, поморщившись от боли и продолжил:

- Если он чего-то желал, вещь или человека, это должно было принадлежать ему одному, без остатка. Власту было проще уничтожить, разбить, сломать то, что он хотел, чем позволить кому-то другому хотя бы прикоснуться к этому... Он мог искалечить слугу просто за неловкий жест или не вовремя поднятый взгляд. Ради забавы натравил псов на местного дурачка. Я видел, как он добивал безоружных пленников, которые молили о пощаде. Видел... и молчал.

Млада слушала, не перебивая.

- Но я все равно... - голос Мирослава дрогнул, - я все равно хочу найти его убийцу.

- Зачем? - спросила она тихо.

- Потому что он был моим братом. Плохим, хорошим - неважно. Он защищал меня, когда я был слаб. Теперь я должен защитить его память.

Он помолчал, потом добавил тихо, почти неслышно:

- Может быть, мне просто нужно понять, почему он стал таким. Может быть, тогда я смогу...

Договаривать он не стал, но Младе и не нужны были слова. В груди у нее все болезненно сжалось.

Вглядываясь в его бледное, осунувшееся лицо с залегшими под глазами тенями, она больше не видела в нем грозного врага или безжалостного Медведя. Перед ней был тот, кто потерял последнюю кровную связь и теперь заживо съедал себя изнутри за то, что не успел уберечь.

«Но если он узнает правду, - думала она, - он увидит в

brate монстра? Или возненавидит меня за то, что я показала ему правду?»

- А если бы ты узнал, что он стал таким не потому, что сломался, - сказала она медленно, - а потому что был таким всегда? Что ты тогда сделаешь?

Мирослав повернул голову. Посмотрел на нее - долго, так долго, что она почувствовала холод, бегущий по спине.

- Ты что-то знаешь? - спросил он.

Тишина затянулась. Слышно было только, как потрескивают угли в очаге, да где-то за стенами воеет выюга. Тени плясали на шкурах, и Младе на мгновение показалось, что одна из них - тень Власта, который ждал ее за порогом.

- Нет, - ответила Млада, и в этом «нет» была вся ложь, которую она носила в себе последнее время. - Просто спрашиваю.

Он не ответил. Отвернулся к стене и закрыл глаза.

- Я не знаю, - сказал он наконец.

Млада молчала.

«Не могу, - думала она. - Не могу сказать правду. Потому что это разрушит все, что мы только начинаем строить».

Она решила, что тень Власта больше не будет преследовать ее никогда.

И что никогда правда не выйдет наружу.

За толстыми стенами заходилась яростью выюга - будто сама природа смеялась над ее наивной верой в то, что ложь можно утаить, а пролитую кровь - навсегда занести белым

СНЕГОМ.

ГЛАВА 7

Когда Мирослава наконец перевезли под родную кровлю, он медленно, но неуклонно пошел на поправку.

Страшные раны начали затягиваться: швы держались крепко, воспаление отступило, а изнуряющий жар почти спал.

Млада меняла повязки несколько раз в день, поила его отварами, кормила мясным бульоном, который варила сама. Мирослав с ней почти не разговаривал, но перестал отворачиваться, когда она входила.

Это было похоже на хрупкое перемирие - ненадежное, как лед на весенней реке.

Но на четвертую ночь все пошло не так. Млада очнулась мгновенно, вырванная из чуткого забытья тихим, надрывным стоном.

В полумраке жилища она увидела, как Мирослав метался на медвежьих шкурах. Лицо его сделалось мертвенно-бледным, лоб покрылся крупными каплями пота, а челюсти были сжаты с такой силой, что побелели скулы. Но страшнее всего было его дыхание. Он задыхался - хрипло, натужно, ловя ртом воздух, словно чья-то невидимая рука сдавливала ему горло.

Млада подскочила к нему, опустилась на колени и приложила ладонь к его лбу. Кожу обожгло - жар вернулся с новой,

удвоенной силой.

С этого мгновения время для нее потеряло счет. Млада работала исступленно, не поднимая головы и борясь за каждую минуту его жизни. Она обтирала его тело снегом, стараясь сбить палящий огонь, лихорадочно перевязывала раны, силой вливала между сжатых зубов капли остывающих настоев и растирала мощную грудь барсучьим жиром, смешанным с едким диким чесноком.

Утром порог их дома переступил шаман. Откинув капюшон, он долго вглядывался в измученное лицо раненого, слушал его свистящие хрипы и наконец хмуро покачал головой.

- Хворь ушла глубоко внутрь, женщина. Силы на исходе, - глухо произнес он, отступая на шаг.

Млада даже не повернулась к нему.

- Я знаю, - твердо, без тени страха отрезала она. – Прошу, приготовь крепкий отвар из корня солодки, сушеной крапивы и брусничного листа - нужно выгнать яд из крови. И принеси мне кусок чистой, мягкой бересты и свежий мед.

Шаман поджал губы, но кивнул и вышел.

А в следующий миг в их дом ворвалась Влада.

Завидев Младу, которая склонилась над задыхающимся Мирославом, она зашипела, словно разъяренная рысь, готовая кинуться в драку:

- Ты! Это все ты, пригретая змея! Ты его убиваешь! Своими ядовитыми травами, своими проклятыми чужацкими заговорами! Волчица никогда не сможет вылечить медведя -

ты несешь ему только смерть и гибель!

Млада даже не вздрогнула. Она продолжала ритмично, с силой втирать чесночную мазь в горячую грудь мужчины, полностью игнорируя беснующуюся за спиной соперницу.

- Я не отхожу от его ложа ни днем, ни ночью, - ровным голосом отозвалась она, не прерывая работы. - И я пытаюсь вытащить его из лап смерти, пока ты попусту сотрясаешь воздух.

- Врешь! - Влада сделала яростный шаг вперед, занося руку, чтобы вцепиться в плечо Млады и оттащить ее от постели.

- Ты жаждешь его кончины! Ты ненавидишь весь наш род, всю нашу землю, и теперь изводишь его!

- Довольно!

Этот резкий окрик прозвучал под сводами дома как удар кожаного хлыста. Старый шаман стоял в дверном проеме и недовольно смотрел на бледную от злости дочь. В его руках была плетеная корзина, доверху наполненная пахучими кореньями.

- Млада спасла ему жизнь, - отчеканил старик, и каждое его слово весило с пуд. - И сделала это не один раз. Признаю перед духами: я сам не смог бы сработать лучше. А ты, глупая девка - молчи и не смей позорить мой дом.

Влада замерла на полувздохе. Лицо ее в одно мгновение побелело от шока, а затем налилось багровой, удушающей обидой. Однако перечить родному отцу, да еще и верховно-

му знахарю племени, она не посмела.

Метнув на Младу последний, испепеляющий взгляд, полный ненависти, она круто повернулась и мухой выскочила вон, растворившись в ночной темноте.

Шаман тяжело вздохнул, подошел ближе к постели и бережно опустил корзину к ногам Млады.

- Я принес все, о чем ты просила, - уже спокойно произнес он, заглядывая ей в глаза. - Делай то, чему тебя учили твои предки. Со мной говорили духи, и я тебе верю.

Млада подняла на него глаза. Впервые за все время она увидела в его взгляде какой-то намек на уважение.

- Спасибо, - сказала она.

К утру Мирослав пришел в себя.

Жар спал. Дыхание выровнялось. Он открыл мутные глаза и увидел ее.

Млада спала сидя на шкуре, на полу, прислонившись спиной к лежанке, и голова ее была опущена на грудь. Руки безвольно лежали на коленях - тонкие, в темных разводах от мазей и настоев. Под глазами залегли тени, волосы выбились из косы, лицо было бледным и измученным.

Она плакала во сне, ей явно снилось что-то страшное.

Мирослав смотрел на нее, и внутри него, там, где раньше были только злоба и раздражение, что-то дрогнуло. Он видел ее - хрупкую, усталую, чужую - и не мог поверить, что она спасла ему жизнь. Что она сидела у его постели все эти ночи, пока он метался в бреду. Что она не ушла, хотя могла.

Он протянул руку - здоровую, ту, что была не перевязана, - и осторожно положил ее на плечо Млады.

- Тихо, - сказал он. — Это просто сон.

Млада вздрогнула. Открыла глаза, испуганно, по-звериному, готовая к удару. Увидела его лицо в полумраке, при свете единственного догорающего светильника. Длинные русые волосы, борода, которая начинала отрастать, суровые глаза, - но в этих глазах было только беспокойство.

- Я не убийца, - сказала она ему.

Слова вырвались сами, бездумно, словно она ждала этого момента, чтобы произнести их вслух. Словно она должна была сказать это ему.

Мирослав убрал руку с ее плеча - и лег.

- Зачем ты мне это говоришь?

Млада лихорадочно пыталась придумать, как объяснить свои вырвавшиеся в сонном забытии слова.

- Влада приходила, кричала, что я пытаюсь убить тебя.

Он промолчал, тяжело дыша, и, кажется, опять впал в дрему.

Млада затаила дыхание, вслушиваясь в прерывистое дыхание Мирослава. Но сон не шел.

ГЛАВА 8

На пятый день Мирослав впервые смог сесть без посторонней помощи. Млада принесла ему горячий отвар и кусок вареного мяса, он взял без слов, но в его взгляде уже не было прежнего льда.

Женщины в общем доме тоже переменялись. Отец отправил Владу в соседнее стойбище навестить тетку, и она больше не отравляла существование Млады.

Теперь ей уступали место у самого огня. Старуха, та самая, что первой заметила вышивку, протягивала ей чашку с горячим питьем, прежде чем она успевала попросить. Молодые девушки подсаживались рядом, просили показать, как вышивать, как различать сухие травы, как заваривать отвар от кашля.

- Волчица, а как ты делаешь, чтоб рана не гноилась? - спросила одна, совсем юная, с еще не заплетенными в косы волосами.

- Плесенью, - ответила Млада, и девушки переглянулись с недоверием.

- Плесенью? - переспросила старуха, приподнимая бровь.
- Плесень - это же порча.

- Это жизнь, - поправила Млада. - Гниль боится плесени. Как трус боится волка.

Она улыбнулась, и женщины засмеялись - легко, без преж-

ней настороженности. Кто-то пододвинул ей горшок с мясом, и Млада чувствовала, как лед тает.

Вечером в общем доме женщины варили похлебку из олеины с каким-то странным корнем. Млада откусила - и закашлялась.

- Что это? спросила она, вытирая глаза.

- Это наш секрет, - засмеялась старуха. - Медвежий корень. Чтобы кровь в жилах не застыла. Привыкнешь.

- Если не умру, - просипела Млада.

Женщины захохотали, и в этом смехе не было злости. Млада улыбнулась и отпила еще бульона. Остро, терпко, но почему-то - тепло.

Однажды к ней подошла старая, хромая собака - вся в шрамах, с седой мордой. Млада протянула ей кусок мяса, и та взяла осторожно, не рыча.

- Это Вой, - сказала старуха. - Хозяин его умер, а он никому больше не давался. Даже Мирослав не мог к нему подойти.

Млада погладила пса по голове. Тот лизнул ей руку.

- Он тебя принял, - удивилась девушка, что сидела рядом.
- Он чувствует, кто свой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.